

После своего термоядерного кирпича – двух, вернее, ведь два тома – под названием «Бесконечный тупик», гиперрозановского компендиума всего и вся, который сейчас действительно изучают исследователи (смотрите, например, недавнюю книгу Сергея Оробия о Галковском), Дмитрий Галковский выпускал только то, что можно было бы назвать паралитературой. Сборники своих статей, антологию советской поэзии, «2331 отрывок из произведений и писем Николая Ленина» и так далее. Второго «Тупика» или чего-либо подобного никто и не ждал – такие вещи пишут за жизнь в одном-единственном экземпляре.

Но «Письма сестры» при этом – паралитература даже в квадрате. Ибо это – действительно письма сестры (поэтому, возможно, в книге и нет аннотации). По-настоящему паранойяльные, склочные, обиженные, исполненные ярости. «Мне представляется, что эти письма представляют собой законченное художественное произведение», – сообщает автор (в роли составителя-публикатора – его любимая ипостась в последние десятилетия) в своем предуведомлении к книге в абзац объемом.

Да, розановская традиция выставления самого интимного, дорогого и постыдного, копания в складках своего грязного белья и почти incestuous sheets («Гамлет») еще как присутствовала в «Тупике» – пассажи об алкоголизме, болезненной любви к жалкому отцу, о конфликтах с семьей, о прекрасном и жутком детстве. Но здесь – сто сорок страниц писем сестры и тридцать его опровержений, оно же – история семьи. Семьи – и болезни, *historia morbi*.

Сестра пишет, вопрошает, воет – почему Галковский не пускает ее к себе домой, увидеть племянников, почему ей одной тянуть старуху-мать, что делать, чтобы покрыть кредитом кредит. «Мать на рынке мою молодость изломала, в Польше насильовали меня и выгоняли на улицу. Ты меня в жизни только обижаешь, за что? Почему вы такие все злые, жестокие? Сколько в вас гадости! Почему мое сердце доброе и заботливое, а вы все звери? Я сейчас шла и на всю улицу плакала, кричала от боли. Разве ты брат? Кто ты?»

И через двадцать с лишним страниц ответ – в этом монологе с самим собой («мои ответы опубликованы тоже, но в общем потоке это менее одного процента» – это уже Галковский): «Ты не Галковский, ты – черт. У тебя нет фамилии, ты – черт. За тобой нет рода, ты черт, ты нехристь, ты от дьявола не отрекся, ты – черт. У тебя нет друзей. Это чертоногие с перепонками на ногах. У тебя нет сестры, была однофамилица, потому что ты – черт. Альбом семейный мой, с моими детскими фотографиями верни, черт! А то я в суд буду обращаться...» Галковский, его жена и даже дети – «свечкозатухатели».

Галковский дает ей выговориться – письма, кстати, за самые последние годы – и приводит краткий дайджест своих семейных отношений. Раскрываясь, обнажаясь тут опять же и давая хороший материал для будущих биографов, кстати. О двух детствах: его – в квартире на Патриарших, с блестящими еще родителями и их друзьями, и сестринского – позже, уже в Нагатино, «жили мы в панельном угробщице с соседями-дебоширами, отец спился, а мать остервенела от поломатой жизни». «Из детских воспоминаний, редких встреч и телефонных разговоров я создал иллюзию семейной жизни – если зажмурить глаза, похожую на жизнь настоящую». И если уже «Бесконечный тупик» был автобиографичен и свехоткровенен,

то тут к нему такой бонус-довесок, еще и продлевающий жизнеописание уже после создания своего метафилософского бестселлера.

И еще это история – очень из девяностых и последующих годов. Описывая, как мать его не любила, зато обожала сестру, которая ему всячески вредила, Галковский вольно или невольно живописует эти годы. Как мать «поднялась» в кооперативе по пошиву шуб – устроила сестру на журфак МГУ, снабжала брильянтами, затеяла строительство усадьбы под Москвой. Затем суд в кооперативе, не вписалась в «новые экономические условия», все потеряла. Галковский же и не успел приобрести – работа на заводе (в одном цехе, заметим от себя, с Л. Якубовичем), вечернее отделение философского, без работы до тридцати с чем-то лет. Сестра же после неудачного романа с А. Кашпировским дошла до буйных отделений.

«Больше всего мне хочется, чтобы мама жила со мной, мы с ней сидели за столом, пили чай и, посмеиваясь, вспоминали смешные истории из детства. Ведь я уже старый человек. Мама жива и на удивление в ясном уме и твердой памяти. Сестра запрещает ей встречаться со мной, но ей особо и не хочется. Иначе бы встретилась. Бедная мама. Что ты наделала. Господь застил тебе глаза».

Неизвестно, конечно, кому из них троих застил, может быть, всем сразу. Такое же так часто бывает. Что у всех своя правда – и своя ложь. Говоришь, яснейше, кажется, говоришь, все доказываешь, куда логичнее – а человек в ответ свое. Те обиды, ссоры-споры, зависть и любовь давних, седых уже лет, что не переломишь. И с этим только жить. И хоронить / умирать. Ибо все равно не убедишь и не разрешишь.